

УХОДЯТ, УХОДЯТ, УХОДЯТ ДРУЗЬЯ

Конец эпохи слепой любви Запада к России

С уходом «друга Гельмута», «друга Рю» и закатом карьеры «друга Билла» заканчивается целый период «особых» отношений руководителей западных стран с Россией и российским президентом. Понять эти отношения не так просто. К российскому президенту особых вопросов нет. Его «дружба» с западными руководителями имеет прежде всего «статусный» характер. Хотя российский политик просто не знает, что можно делать во внешней политике, если не противостоять Западу, Запад все равно остается для него, как практически и для любого русского человека, «высшим обществом», признание в котором — вершина социального успеха. Поэтому хотя Ельцин и борется с приближением НАТО к российским границам, «дружба» с лидерами стран НАТО означает для него повышение статуса. Он гордится ею, афиширует ее с почти детской непосредственностью, не замечая всей наивности своей веры в дружбу с людьми, с которыми на деле, конечно, никакой дружбы быть не может — слишком уж разные это люди, разные культуры и интересы. Настоящая дружба — чисто теоретически — могла бы быть у Ельцина, скажем, с Кучмой, с которым и говорить-то можно без переводчика. Но как раз с ним Ельцин на «ты» не переходит. Встреча «без галстуков» с Кучмой еще возможна, но приехать к нему на день рождения было бы уж «слишком», а перейти на «ты» означало бы даже потерю статуса. Русская (и тем более русская советская) культура очень чувствительна к статусным различиям, мы очень хорошо знаем, с кем дружить, а с кем — «соблюдать дистанцию».

Но если с Ельциным все более или менее понятно, то с его «друзьями» дело обстоит сложнее. Разумеется, «во имя высших интересов» США, Германии, западного мира в целом руководитель государства может и даже обязан поступаться личной щепетильностью и с милой улыбкой переносить ельцинское «ты» и ельцинские шутки. Проблема в другом — почему западные руководители полагают, что именно это диктуют им «высшие интересы»?

Здесь мы сталкиваемся с системой представлений, понять которую довольно сложно — не в силу ее глубины и мудрости, а, напротив, в силу ее примитивности, противоречащей нашему пониманию того, какими должны быть мотивы поступков государственных лидеров вообще и западных — в особенности. Прежде всего, нам надо четко уяснить себе, что все грандиозные успехи Запада за последние десять лет: гибель СССР и «мирового коммунизма», объединение Германии, демократизация и присоединение к созданным Западом структурам стран Центральной Европы и, отчасти, республик бывшего СССР, — были достигнуты главным образом в результате естественных социальных и культурных процессов, а не благодаря тонкой и умной политике западных стран. Более того, в значительной мере они были достигнуты несмотря на политику Запада, исходившую из самых наивных и просто ложных представлений.

Время, когда Рейган говорил (и, несомненно, искренне) об СССР как об «империи зла», успешная борьба с которой может быть лишь космической борьбой в духе голливудских фантастических фильмов, — время относительно недавнее, и с тех пор западные политики ушли не так уж далеко. Западу просто в голову не приходило, до какой степени он силен и до какой — износилась, устала

и близка к смерти пресловутая «империя зла». Все важные процессы в СССР — трансформацию нашей элиты, ее полное неверие в коммунизм и глубокое безразличие к судьбе собственного государства, ее мечты о красивой западной жизни, ее стремление избавиться от партдисциплины, легитимизировать и стабилизировать свое положение и, в конце концов, получить собственность — на Западе проглядели. Почему так произошло?

Насколько я представляю, роль западных социальных наук в изучении СССР и определении политики по отношению к нему была относительно скромной. Хотя денег на советологию не жалели, она — отчасти именно поэтому — представляла собой очень изолированную и специфическую отрасль знаний, в которую шли лишь очень немногие настоящие ученые и которая скорее затуманила, чем прояснила западное понимание России. Советологи, естественно, были очень заинтересованы в том, чтобы СССР оставался на века — как источник их доходов и социальной значимости. Большую роль в мире советологов играли диссиденты и вообще всякого рода беженцы на Запад, которым образ страшной тоталитарной силы, от которой они чудом спаслись, был психологически необходим. Менее чем за десять лет до падения СССР Солженицын, например, внушал Западу, что только чудо или моральное перерождение могут остановить триумфальное шествие коммунизма и что ослабевший либеральный Запад коммунисты могут «взять голыми руками». Военные и разведчики также были заинтересованы скорее преувеличивать, чем преуменьшать мощь врага.

Перестройка, означавшая исторический триумф Запада, обнажила полную несостоятельность западной науки об СССР. Читать теперь, как Гельмут Коль говорил о «геб-бельсовской» (буквально!) горбачёвской пропаганде, цель которой — размягчить западный союз, усыпить его бдительность, чтобы потом ударить, просто смешно. Очевидно, что великая победа Коля (объединение Германии), принесшая ему славу чуть ли не нового Бисмарка, пришла к нему не в результате его предвидений и умелой политики, а скорее как подарок судьбы.

Недоверие к Горбачёву сменилось сначала изумлением, а затем — «горбиманией», которая по-человечески вполне понятна, но в которой чувства было намного больше, чем понимания. А затем, когда Горбачёв, совершенно неожиданным для Запада образом, потерпел поражение в борьбе с еще большим, чем он, демократом Ельциным, а СССР оказался колоссом на глиняных ногах и в одночасье распался — началась эпоха дружбы с Ельциным. В отличие от дружбы с Горбачёвым, в которой личный элемент был столь силен, что президент Миттеран принимал его у себя дома даже после его отставки, дружба западных лидеров с Ельциным была, скорее, «показушной». Но дружба с ельцинской Россией, с ельцинским режимом — вполне серьезной и искренней.

Политики на Западе поняли (хотя и не сразу), что в России происходит нечто, для них очень хорошее, недоверие и страх сменились восторгом. Но не очень-то понимая, откуда им выпало такое счастье, они теперь стали очень бояться, как бы все это не исчезло, не развеялось, словно прекрасный сон. А какая сила может повернуть процесс вспять? Ясно, какая: та, с которой они всю жизнь боролись, — раненное российскими героями-демократами, но еще живое чудовище коммунизма.

Западные политики чрезвычайно чутко реагировали на слова, на ярлыки. Когда Ельцин заявил в Конгрессе США, что дракон коммунизма повержен, Конгресс аплодировал ему стоя. Горбачёв все еще вызывал большие симпатии, но Горбачёв говорил, что верит в социализм, и этим показывал свою ограниченность по сравнению с более радикальным Ельциным. А есть еще в России люди, которые продолжают называть себя коммунистами, ругают США и Запад.

Расстановка сил — довольно проста и вполне понятна человеку, который еще в 1988 г. видел в Горбачёве нового Геббельса, усыпляющего Запад показным миролюбием. Ясно, что надо поддерживать Ельцина, призывая его быть смелым и решительным, и скорее вводить в России капитализм «как у нас». При этом надо понимать, что Ельцин работает в очень трудных условиях, поэтому приходится прощать ему авторитарные методы правления (а как еще прикажете обходиться с коммуно-фашистами?) и разного рода великодержавные внешнеполитические поползновения, которые, несомненно, объясняются необходимостью тактических уступок все тем же «коммуно-фашистам», мечтающим о возрождении СССР, Варшавского пакта и «холодной войны». Поскольку альтернатива Ельцину ужасна, ему следует прощать и дурные манеры, и фантастическую коррупцию его окружения — да почти все. Полное непонимание процессов, происходящих в России и на постсоветском пространстве, готовность удовлетворяться примитивной схемой борьбы демократов с коммунистами приводят Запад к аморальному и едва ли не преступному двойному стандарту. Двойной стандарт присутствовал в западной политике всегда («я знаю, что это — сукин сын, но это — наш сукин сын»), но если в период тотальной «холодной войны» ему были оправдания, то после падения коммунизма он стал совершенно неоправдан и особенно непригляден. В 1993 году Клинтон, Коль и остальные «друзья» поддерживают ельцинский государственный переворот и расстрел парламента, за что любой западный политик кончил бы жизнь в тюрьме. Затем они спокойно наблюдали за устроенной Ельциным бойней в Чечне, по сравнению с которой то, что делают в Косово сербы и из-за чего НАТО готовится вторгнуться в Сербию, — цветочки.

Что нельзя на Западе, можно в России. А то, что можно в России, уже нельзя в Белоруссии. Лукашенко, полукоммунист и сторонник возрождения СССР, разогнавший свой парламент, в отличие от Ельцина, совершенно бескровно, нарвался не на аплодисменты, а на бойкот. Примитивные схемы «борьбы сынов света с сынами тьмы» всегда приводят к аморальному прагматизму, к тому, что «сыны света» могут безобразничать как угодно. При этом часто бывает, что аморальный прагматизм на поверку оказывается не очень-то практичным и выгодным.

Совершенно ясно, что Западу нужна стабильная демократическая Россия с открытой и эффективной экономикой, не нищая, не кланчатая займов и отдающая занятое в срок, не бряцающая оружием и не старающаяся где только можно навредить западным интересам. И совершенно ясно, что такой России Запад не добился. Более того, поддержкой ельцинского режима и ельцинской политики Запад так же способствовал усилению в России антизападных настроений, как в свое время способствовал им в Иране, поддерживая шаха. За западные советы и призывы «ускорить реформы», все более и более вгоняющие народ в нищету, наши люди не могут быть благодарны Западу. Людям не важно, что МВФ на самом деле не требует задерживать пенсии и зарплату — это наши российские методы борьбы с инфляцией. Но люди знают, что МВФ поддерживает тех, кто не платит старикам пенсии, а сам купается в роскоши. Людям очень трудно представить себе, до чего примитивно мышление великих мира сего, и когда они сталкиваются с абсурдом, им начинает казаться, что это — вовсе не абсурд, а, напротив, очень глубокий злой умысел. Поэтому в России даже у совсем не антизападнически настроенных людей возникла мысль, что по большому счету Западу на всякую демократию наплевать, а единственное, что ему нужно, — еще больше ослабить Россию.

При тоталитарной системе можно до самого краха этой системы называть черное — белым, при демократии это возможно делать лишь некоторое время. И это время в отношениях Запада с ельцинской Россией практически истекло. Количество и качество фактов, не укладывающихся в схему борьбы демократа Ельцина с недобитым чудовищем коммунизма, давно уже превысило критическую массу. Одновременно изучение России перестало быть особой, полуцэрэушной профессией, и качество западных работ о нас, насколько я могу судить, резко улучшилось. Постепенно элементы реальности доходят и до массового сознания, и до политиков. И одновременно с этим уходят лидеры, отличившиеся безудержной поддержкой Ельцина. Кончается целая эпоха особых отношений с Россией, когда ей позволялось то, что не позволено другим, когда перед ней чуть ли не заискивали и постоянно давали взаймы. Хорошо это или плохо для России?

Конечно, хорошо. Для того чтобы Россия действительно стала процветающей и демократической страной, ей совершенно не нужно, чтобы ее президент был на «ты» с президентом США, и даже не нужно быть принятой в «семерку». Ей не нужна поддержка демократии, стреляющей по парламентам. Ей нужно спокойное, нормальное отношение к себе и поддержка Западом не каких-то людей, партий и клик, а тех же правовых норм и принципов, которыми руководствуются западные страны в своей собственной внутренней жизни. Поэтому бог с ней, с этой эпохой, и бог с ними, ельцинскими друзьями. Но если мы выйдем из этой эпохи, освободившись от распространенных в советское время иллюзий относительно глубины ума западных политиков, и при этом сохраним понимание того, что демократия «умнее» ее отдельных представителей, это не так уж мало.